

В. Г. СИРОТКИН

ИЗГНАНИЕ И СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА *

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Для русской дипломатии значение «операции Сенат» выходило за рамки вопроса об «отделении» Наполеона от Франции и изгнания его из страны. В конечном итоге главную роль в первом изгнании, отречении Наполеона от трона 11 апреля 1814 г. и ссылке его на Эльбу сыграли союзные армии, прежде всего неожиданное и бескровное занятие ими Парижа 31 марта в результате капитуляции измотанной в предыдущих кровопролитных боях армии маршала Мармона, который, очевидно, через Талейрана был связан с сенаторами-заговорщиками¹.

С 31 марта перед дипломатами России, Англии, Австрии и Пруссии во весь рост встала другая, гораздо более сложная проблема: как закрепить это изгнание, предотвратить появление нового «узурпатора». Характеризуя антинаполеоновские статьи даже передовых представителей молодого дворянского поколения на страницах «Русского Вестника» и «Сына Отечества» в 1812—1813 гг., академик Н. М. Дружинин справедливо пишет, что их «авторы исходили из отрицательной оценки якобинского террора и считали Наполеона наследником французской революции, перенесшим ее методы на внешнеполитическую арену»².

И в этой связи для творцов Венской системы дипломатического равновесия Франция представляла двойную угрозу — и как источник «революционной заразы», и как потенциальный нарушитель послевоенного «статус кво», основанного в первую очередь на временном англо-русском дипломатическом компромиссе. Особую активность в решении этой двуединой задачи проявляла царская дипломатия. Как отмечал советский ученый А. Л. Нарочницкий, «в центре планов Александра I стоял вопрос о прочном политическом равновесии в Европе. Царь хотел такого равновесия, которое давало бы России огромное влияние на европейские дела и делало бы невозможным соединение европейских государств в коалиции против России»³. Александр I хотел закрепить это невиданное в истории России влияние царизма в Западной Европе, используя результаты героической борьбы русского народа, русской армии и ополчений против наполеоновского господства, не только военными, но и политическими методами. Основу этих политических методов составляло вынужденное признание наиболее дальновидными представителями русского и западноевропейского дворянства факта необратимости буржуазных социально-экономических и политических процессов, происшедших во Франции и на территории бывшей империи Наполеона за 25 лет революции и «эпохи наполеоновских войн».

Это признание началось не в 1814 г. Еще в 1797 г. идеолог умеренного либерализма писательница мадам де Сталь в «Размышлениях о внутреннем мире во Франции» пи-

* Окончание. Начало см. в № 4 за 1974 г.

¹ Е. В. Т а р л е. Наполеон. М., 1939, стр. 383; А. З. М а н ф р е д. Наполеон Бонапарт. Изд. 2. М., 1973, стр. 715—720.

² Н. М. Д р у ж и н и н. Освободительная война 1813 г. и русское общество. — «Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства». М., 1965, стр. 62.

³ А. Л. Н а р о ч н и ц к и й. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. М., 1946, стр. 47.

сала: «Чтобы закончить революцию, надо найти центр и общую точку: центр и точка... это собственность, а собственность — это личный интерес»⁴. Восемь лет спустя английские и русские творцы III антинаполеоновской коалиции (среди последних были такие «просвещенные» аристократы, как польский князь А. Чарторыйский или русский граф П. Строганов⁵) во всеулышание заявят в «Англо-русской конвенции о мерах к установлению мира в Европе» 1805 г.: «Хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции»⁶. Эта конвенция содержала «многие из тех принципов, которые были приняты на Венском конгрессе 1815 г. после разгрома Наполеона»⁷. Спустя еще два года, в разгар русско-французской войны 1806—1807 гг., царская дипломатия окончательно формулирует свою концепцию реставрации во Франции в форме настоятельной рекомендации Бурбонам и эмигрантам-роялистам. Эта концепция впервые стала известна благодаря публикации в третьем томе «Внешней политики России XIX — начала XX в.» письма от 11 марта 1807 г. тогдашнего министра иностранных дел России А. Я. Будберга Людовику XVIII (в эмиграции он был известен под именем «графа Лилльского»). Излагая идеи Александра I, Будберг писал: «Речь идет о том, чтобы обеспечить для Франции лучшую участь, чем та, которая сейчас выпала на ее долю и с которой она несомненно мирится так долго лишь потому, что боится, как бы в случае свержения Бонапарта с узурпированного им трона снова не оказалась во власти раздоров, мести, террора, гражданской войны и всех бедствий, испытанных ею в течение первых лет революции». И далее шла программа, оставшаяся в своей основе неизменной до 1814 г.: «Полное забвение прошлого и всеобщая амнистия для всех, кто был замешан в ужасах революции; подтверждение прав за лицами, приобретенными национальное имущество; сохранение всех должностей, гражданских, военных и судебных; отмена воинской повинности.

Одним словом, нужно взять на себя обязательство ни в чем не изменить существующую форму правления, сохранить сенат, трибунал, государственный совет и законодательный корпус в их нынешнем виде, оставив за собой лишь право принимать меры против злоупотреблений, которые могли иметь место в различных отраслях управления»⁸.

Правда, Бурбонам потребовалось еще семь лет, прежде чем Людовик XVIII (да и то под сильным нажимом англичан) издал 1 января 1814 г. в Лондоне манифест, где, наконец, через 20 лет после казни якобинцами Людовика XVI, извещал, что «во имя спокойствия в стране» королевский дом Бурбонов отказывается от своей «старой собственности», признает «неприкосновенность новой собственности» и тем самым подает пример всем остальным эмигрантам-роялистам⁹. Не этой ли твердолобостью Бурбонов, упорно не желавших признать необратимость социальных и политических процессов во Франции, объяснялись первоначальные колебания царя по вопросу о будущей диванстии и его заигрывания в 1813 — начале 1814 г. с республиканским генералом Виктором Моро, давним соперником Бонапарта, с маршалом Бернадотом, кумиром либералки де Сталь и ее друга Бенжамена Констана, и с пасынком Наполеона Евгением Богарне?¹⁰ Этот социально-экономический компромисс старого и нового порядков, где самым главным была «новая собственность» миллионов французских крестьян, больше всего боявшихся, что «старое» эмигрантское дворянство или их дети отберут землю и

⁴ Цит. по: Л. И. Вольперт. А. С. Пушкин и г-жа де Сталь. — «Французский ежегодник 1972», М., 1974, стр. 287.

⁵ Ю. Н. Тынянов. Гражданин Очер [П. А. Строганов]. — «Прометей», т. I. М., 1966, стр. 258—267; В. М. Далин. Первый русский якобинец. — «Люди и идеи». М., 1970, стр. 9—21.

⁶ «Внешняя политика России XIX — начала XX в.» (далее — ВПР), т. II. М., 1961, стр. 376.

⁷ А. Л. Нарочницкий. Указ. соч., стр. 22.

⁸ ВПР, т. III. М., 1963, док. № 214; см. также В. Г. Сироткин. Дуэль двух дипломатий. М., 1966, стр. 65—66.

⁹ «Pièces sur les grands événements arrivés en France de 1813 jusqu'à l'abdication de Napoléon». Paris, 1814, p. 53—54.

¹⁰ [S. Oucharov]. Eloge funèbre du général Moreau. St.-Petersbourg, 1813; «Conservateur Impartial», 9 (21). XII.1813, p. 535—537; см. также ВПР, т. VII, прим. 334; А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 724—727.

вновь введут феодальные привилегии, должен был быть, по замыслу русских творцов реставрации во Франции, дополнен политическим компромиссом дворянства и крупной торгово-промышленной буржуазии, служившей опорой режиму Первой империи. Иными словами, речь шла о том, чтобы допустить верхушку этой буржуазии и созданной Наполеоном военщины (маршалы, генералы) к рычагам политической власти, что неизбежно означало бы частичный отказ от прежних форм неограниченного королевского абсолютизма.

И здесь для Франции легитимистам не надо было изобретать что-либо оригинальное: по ту сторону Ламанша уже почти полтора века успешно функционировал готовый образец — английская парламентарная монархия, чей пример давно вдохновлял «просвещенное» русское дворянство в их поисках альтернативы «военному деспотизму» Наполеона и республиканской якобинской «тирании» Робеспьера¹¹.

Французская революция создала руками якобинцев более передовые, чем в Англии, буржуазно-республиканские институты парламентаризма, но в империи Наполеона от них остались только декорации: ничего не решавший двухпалатный парламент (Сенат и Законодательный корпус), да придавленные тяжелой рукой наполеоновских префектов «нотабли» в коммунах¹².

И закономерно, что вторым актом «операции Сенат» после 31 марта 1814 г. стало издание 6 апреля так называемой сенатской конституции, подготовленной все теми же участниками сенатского заговора — Талейраном, аббатом Грегуаром, бывшим третьим консулом Лебреном и другими при активном участии союзных дипломатов (Ш. Поццо ди Борго, К. В. Нессельроде, прусского министра иностранных дел К. Гарденберга) и закулисной, но решающей роли Александра I, который почему-то «случайно» остановился в доме Талейрана¹³.

«Властитель слабый и лукавый» (А. С. Пушкин) и здесь мог не слишком утруджаться: идею установления конституционной монархии на основе «акта, примиряющего всех французов» еще в 1792 г. продумала Екатерина II. В оставленной ею внуку записке «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства» говорилось: «Нельзя отрицать, что парламенты... дополняют монархию; это великая система, которая может принести очень большую пользу, если этой системой умело управлять и дать ей мудрые ограничения»¹⁴. И эта идея в деятельности русских творцов реставрации во Франции и на всей обширной территории бывшей империи Наполеона в 1814—1820 гг. приобретает характер целой внешнеполитической программы поддержки конституционно-монархических правительств. Определяя роль Талейрана в «конституционной дипломатии» Александра I при Первой и Второй реставрации, Е. В. Тарле писал: «Что «либеральные» и «конституционные» тенденции царя в области французской (но никак не русской) внутренней политики диктовались исключительно опасением возможности новой революции во Франции и не чем иным, — это Талейран понимал, конечно, очень давно и очень хорошо»¹⁵.

Именно боязнь новой революции побудила царя активно вмешаться в конфликт Сената с Людовиком XVIII, отказавшимся признать весьма либеральную «сенатскую конституцию», поскольку она сильно ограничивала авторитарные устремления Бурбонов¹⁶.

¹¹ Де Лолм. Конституция Англии, или состояние Английского правления, сравненного с Республиканскою формою и с другими европейскими монархиями, ч. 1—2. М., 1806. На инициативу царя в переводе этого трактата (1771 г.) английского философа обратил внимание А. Е. Пресняков («Былое», 1926, № 1, стр. 193). Как отмечал А. Н. Шубунин, «книга Делолма, вслед за Монтескье, имела большое влияние на политическую мысль континентальной Европы». — «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811—1821 гг.» М. — Л., 1936, стр. 395.

¹² J. G o d e s c h o t. Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1968.

¹³ В. А. Бутенко. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. т. I. СПб., 1913, стр. 103—114; Е. В. Тарле. Талейран. М., 1962, стр. 120—132.

¹⁴ Цит. по: «Новая и новейшая история», 1974, № 3, стр. 195.

¹⁵ Е. В. Тарле. Талейран, стр. 224. В VIII, IX и особенно в подготовленном к печати X томах «Внешней политики России XIX — начала XX в.» за 1814—1819 гг. приведены новые, ранее неизвестные русские документы о конституционных тенденциях Александра I, в том числе и в России.

¹⁶ Сб. «Русское Историческое Общество» (далее — Сб. РИО), т. 112. СПб., 1901, стр. 1—2.

И хотя русской дипломатии не удалось убедить Бурбонов принять «сенатскую конституцию»¹⁷ и Людовик XVIII 4 июня 1814 г. даровал «свою» хартию, он вынужден был сохранить в ней основное ядро «сенатской конституции» и программы Александра I, направленной на осуществление политической реставрации во Франции¹⁸.

«Операция Сенат» закончилась. Теперь все зависело от политической гибкости Бурбонов и их умения лавировать, управляя парламентом. Однако совет Екатерины II Людовику XVIII не пошел впрок. Зато сосланный на Эльбу Наполеон извлек уроки из «конституционной дипломатии» своих противников и внимательно следил за все разгоравшейся внутривосточной борьбой конституционалистов Первой реставрации с твердолобыми ультрароялистами типа брата короля графа д'Артуа.

О мотивах «второго возвышения» Наполеона написано много. Менее известна первая реакция его вчерашних противников на известие о бегстве свергнутого императора. Обнаруженное нами в архиве письмо царя из Вены своей матери Марии Федоровне позволяет довольно точно определить отношение к этой сенсационной новости русских правящих верхов. В этом документе, написанном между 5 и 13 марта, очень трезво оценивается ситуация во Франции.

Наполеон еще не дошел до Парижа, а царь не сомневался, что Бурбоны будут свергнуты. Он резко осудил «шпаккозакидательную» кампанию ультрароялистов в печати и некоторых из своих партнеров в кулуарах Венского конгресса: ни народ, ни тем более армия защищать Бурбонов под Парижем не будут, ибо их «неуклюжесть» во внутренней политике (особенно в отношении наполеоновских офицеров, посаженных на половинное жалованье) создала их режиму широкую социальную и политическую оппозицию. Но царь не видел альтернативы династии Бурбонов. Наполеон по-прежнему не устраивал Александра I¹⁹. Царь подтвердил свою непримиримость к нему также в резкой полемике с Ц. Лагарпом, пытавшимся в период «Ста дней» склонить царя к компромиссу с династией Бонапартов во Франции (ставшей отныне «конституционной») как залога франко-русского сближения, направленного против Австрии и Англии. Лагарп видел в этом главный урок Венского конгресса²⁰.

Из письма также ясно, что сама возможность переворота во Франции не исключалась царской дипломатией и ранее, до бегства Наполеона с Эльбы. С июня 1814 г. Поццо ди Борго не устал сообщать о «неуклюжести» Бурбонов. 13 июня 1814 г. он писал, что правительство не слишком авторитетно. В правящих кругах идет борьба умеренных и ультрароялистов во главе с графом д'Артуа, делается немало глупостей. Прогноз Поццо ди Борго был неутешителен: страсти не успокоиваются, а все более разгораются. Одни все еще «спекулируют на возвращении Бонапарта, другие не теряют из вида герцога Орлеанского».

Но Поццо ди Борго (как и Бурбоны) не оказался провидцем — он считал павсы герцога Орлеанского предпочтительными: «По моему мнению, если, к несчастью, произойдет какое-либо серьезное происшествие против короля, то именно в сторону герцога Орлеанского устремится эта фракция недовольных, дабы предложить ему корону. Не думаю, что сегодня существует реальный проект такого рода, но его нет до той поры, пока влиятельные лица, нацеливавшиеся на подготовку новой революции, всерьез не возьмались за разработку этого проекта. У меня есть все основания думать, что королевский двор обеспокоен таким оборотом дел»²¹.

Особенно тревожило царского посла положение в армии и поведение отставных офицеров и солдат (и тех, и других насчитывалось 600 тыс.). Здесь Поццо ди Борго был более близок к истине: «Нельзя по мановению волшебной палочки возвратиться к порядку и сделать гражданами или мирными обывателями такую армаду людей, чьим источником существования долгое время была война, а в мирные передышки — жалованье или пенсия. Поццо ди Борго предлагал королю сократить регулярную армию до 150 тыс., но Людовик XVIII боялся этой новой социальной силы, заигрывал с ней,

¹⁷ Там же, стр. 2—4.

¹⁸ Там же, стр. 7—9; ВПР, т. VIII, прим. 173. Хартия 4 июня была «политическим компромиссом между старой дворянской знатью и верхними слоями буржуазии», закреплявшим многие важные результаты революции. — «История Франции», т. 2. М., 1973, стр. 172—173.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 549, д. 262, л. 1—8.

²⁰ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, д. 538, л. 13.

²¹ Сб. РИО, т. 112, стр. 15—21.

а финансовое положение страны все ухудшалось. Тем более, что агенты Наполеона щедро раздавали недовольным субсидии из «секретных фондов» Бонапартов, припрятанных во Франции²².

Судя по инструкциям Нессельроде Поццо ди Борго, Александр I уже сразу после I Парижского мира (май 1814 г.) был озабочен положением во Франции. Так, 22 июня 1814 г. Нессельроде писал Поццо ди Борго из Лондона (где с визитом находился тогда Александр I), что царь очень недоволен Бурбонами: ни одного из его пожеланий по «мудрому управлению» ими не выполнено²³.

Не удивительно, что не только Поццо ди Борго, находившийся в Париже, но и другие царские дипломаты настойчиво обращали внимание Александра I на возможность государственного переворота во Франции. Один из них, будущий статс-секретарь по иностранным делам и главный советник царя при проведении конституционно-дипломатической программы русской дипломатии в 1815—1820 гг., Иоанн Каподистрия, позднее писал своей приятельнице Роксандре Стурдза-Эдлинг из Вены 12(24) мая 1815 г.: «И без Наполеона те же события имели бы место месяцем позже... И без него была бы война — с той разницей, что вместо того, чтобы сражаться во Франции, мы бы воевали на Эльбе или на Одере»²⁴.

В этом отношении «Сто дней» не были полной неожиданностью. От дворянства России не скрывалась возможность такого варианта. Типична здесь маленькая заметка в «*Conservateur Impartial*» от 15 июля 1814 г.: «Буонапарте, может ли он возродиться? Есть ли у него верные и многочисленные сторонники? Гражданская смерть Буонапарте не разочаровала довольно большое число лиц, все еще не верящих, что восстановление сильнейшей и организованнейшей тирании обречено на провал»²⁵. Правда, автор заметки выражал уверенность, что Наполеон не посмеет снова появиться во Франции, но этот казенный оптимизм не вязался с реальной тревогой за исход внутривнутриполитической борьбы в стране. К тому же во время «Ста дней» сторонники его сильно либерализованного и конституционного режима нашлись и в России. Посол Бурбонов в России граф Ноайль писал Талейрану в Вену 31 марта: «Это вторжение и столь быстрый марш на Париж произвели громадное впечатление в этой стране. Здесь у Бонапарта сохранилось несколько сторонников: люди, находящиеся под влиянием его успеха и известных чувств к его силе... Другие, гораздо большим числом, хотят его наказать... и наказать также Францию»²⁶.

Но несмотря на все предостережения Поццо ди Борго, Каподистрии и других дипломатов сокрушительный крах режима Первой реставрации и полный переход армии на сторону Наполеона вызвал растерянность царя и его партнеров по Венскому конгрессу, тем более что острейшая борьба победителей за дележ национально-территориального наследия империи Наполеона временно ослабила внимание союзнической дипломатии к внутривнутриполитическому положению и во Франции, и в своих странах.

Не мудрено, что в этом замешательстве, порожденном «революцией 20 марта» (так называли «Сто дней» современники), Мария Федоровна — почти единственный деятельный член императорской фамилии, оставшийся в Петербурге в марте — июне 1815 г.²⁷, — ударилась в панику, бомбардируя младших сыновей письмами: «Пришлите мне «*Moniteur*» и текущие газеты... Напишите мне о том, каково общественное мнение в Париже, высказалось ли оно в пользу Людовика XVIII?» «Мы все в напряженном ожидании, дорогие дети, все рвут друг у друга газеты». «Где Наполеон и что он делает? — вопрошала она после Ватерлоо. — Лишь бы он не появился вновь во главе отрядов Даву и Вандама: мир не может быть покоен до тех пор, пока он жив».

Читая газеты, императрица-мать сразу распознала «либеральные» приемы Наполеона, умело взявшего на вооружение «конституционную дипломатию» Александра I. И это, полагала она, очень опасно, ибо «если династия Бурбонов не вернется во Фран-

²² Там же, стр. 25—29. Поццо ди Борго — Нессельроде 24.VI(6.VII).1814.

²³ Там же, стр. 23—24.

²⁴ «Вестник всемирной истории», 1900, № 3, стр. 211.

²⁵ «*Conservateur Impartial*», 3(15).VII.1814, p. 309—310.

²⁶ Сб. РИО, т. 112, стр. 177.

²⁷ Александр I пребывал в Вене, его братьев Николая и Михаила в Париже, «Сто дней» застали в путешествии по Европе. Ближе всех (в Варшаве) находился Константин, но на него императрица-мать никогда не возлагала больших надежд.

цию, то ни в одной стране не будет ни спокойствия, ни благополучия: всякий честолюбец захочет играть роль, а я боюсь честолюбивых якобинцев, проповедующих либеральные принципы»²⁸.

«Честолюбивых якобинцев» боялась не только императрица-мать. Усилия Наполеона во время «Ста дней» привлечь на свою сторону либеральные и умеренно монархические круги Первой реставрации подчеркнуто торжественной церемонией принятия конституции (ее проект Наполеон намеренно просил подготовить известного либерала Бенжамена Констана) на народном собрании (так называемые «майские поля», воскрешавшие традиции Меровингов по избранию короля) встревожили русских творцов «конституционной дипломатии». Александр I именно в мае поспешил объявить полякам о создании в рамках Российской империи Царства польского и даровании ему в скором времени конституции²⁹.

Характерно, что эта акция вызвала большое неудовольствие русских крепостников. Даже человек, на которого царь возложил функции председателя Временного верховного совета Герцогства Варшавского в 1813—1815 гг., будущий глава Комитета министров при Николае I, В. С. Ланской, писал 4(16) мая 1815 г.: «Уверения в будущем конституционном правлении принимаются здесь не за милость, но за опасение последствий от беглеца из Эльбы». По мнению Ланского, вся эта «либеральная программа» — вообще пустая затея³⁰.

Однако больше всего Марию Федоровну волновало другое — что если Наполеону удастся на этот раз расколоть и без того давший трещину (вспомним известный англо-австро-французский секретный договор 3 января 1815 г. против России и Пруссии, заключенный Талейраном) антинаполеоновский союз? Императрица закликала младших сыновей «не оставлять» царя «без присмотра», немедленно сообщать о всех разногласиях между союзниками. Особенно боялась императрица Австрии: «Меня тревожат интриги кн. М[еттерниха]. (Я пишу откровенно, т. к. это письмо будет передано из рук в руки; в письмах же, которые посылаю с курьером, я осторожна). Он будет воображать, что управляет Францией, если *мальчуган* [имеется в виду сын Наполеона и австрийской принцессы Марии Луизы] будет признан». А в Петербурге «все спят и видят Бурбонов снова на троне»³¹.

Во время «Ста дней» Наполеон сделал Коленкура министром иностранных дел (случайно ли? Разве не знал он о двойной игре бывшего посла в Шатийоне и о заступничестве Александра I за него перед Бурбонами?), прилагал в период дипломатии «Ста дней» громадные усилия к расколу союза своих противников (посылка царю секретного договора от 3 января 1815 г.).

Наполеон делал вначале ставку на откол от венских партнеров Александра I. Вскоре после утверждения императора в Париже Коленкур пишет Нессельроде проект письма. Его суть состояла в следующем. Франция хочет только мира в Европе, а «неуклюжие» Бурбоны — это постоянная угроза новых потрясений. Поскольку в марте 1815 г. «французский народ» сам призвал (?) Наполеона на трон, он отныне не узурпатор и «отделять» его от страны союзникам нет нужды³².

30 марта 1815 г. Коленкур пытался привлечь на сторону Наполеона французский дипломатический корпус, угрожая в противном случае конфисковать на основе декрета императора имущество строптивых послов³³. 4 апреля Наполеон написал Александру I письмо: «Голос нации призвал освободителя... Восстановление императорского трона было бы необходимым для блага Франции». Франция согласна признать грани-

²⁸ «Письма Марии Федоровны к Николаю и Михаилу во время их второго путешествия за границу (1815 г.). — «Русская Старина», 1903, № 12, стр. 586—587; 1904, № 6, стр. 527—533.

²⁹ ВПР, т. VIII, стр. 347. Манифест от 13(25). V.1815, подписанный царем в Вене.

³⁰ См. Н. К. Ш и л ь д е р. Император Александр I, т. III. СПб., 1897, стр. 551—552; ВПР, т. VIII, стр. 322. В Пруссии, где тоже шла борьба либералов и ультрароялистов, перепуганный король срочно издал 22 мая 1815 г. указ о выработке текста «представительной конституции», которая, впрочем, так и не была введена — J. W e i l l. L'Eveil des nationalités et le mouvement libéral. Paris, 1930, p. 47—48.

³¹ «Русская Старина», 1903, № 12, стр. 569—570, 572. Письмо от 3.VII.1815.

³² Сб. РИО, т. 112, стр. 176—177.

³³ Там же, стр. 177—178. Декрет был перепечатан «Conservateur Impartial», 2(15).V.1815, p. 160.

цы 1814 г. и I Парижский мирный трактат³⁴. Одновременно Коленкур попытался вбить клин между царем и Людовиком XVIII: 18 и 19 апреля «*Moniteur Universel*» дал обширные статьи о разногласиях между Александром I и Бурбонами, которых царь в 1814 г. якобы не хотел пускать на трон Франции.

Но из этих дипломатических демаршей ничего не вышло. Письма Наполеона (царю, австрийскому императору, прусскому королю, принц-регенту Англии) даже не дошли до адресатов — курьеры были арестованы на границах Франции, а царь специально написал Людовику XVIII, что все это «инсинуации Буонапарте»³⁵. 25 марта 1815 г. в Вене была издана декларация, снова объявлявшая Наполеона узурпатором трона, нарушителем I Парижского мира и собственного отречения 11 апреля 1814 г. и ставившая его вне закона. Фактически это было равносильно объявлению войны.

Такой поворот дела явно не устраивал Наполеона. Из донесений префектов и полицейских агентов он знал, что в стране неспокойно. И если армия в подавляющем большинстве шла за императором, то об имущих классах этого сказать было нельзя. «Старое дворянство» открыто вело агитацию за Бурбонов, на юге страны большинство бывших чиновников Первой империи демонстративно подало в отставку (например, в Тулузе). Колеблущуюся позицию заняли торгово-промышленные круги ряда городов (Бордо, Марсель, Орлеан и др.). Префект департамента Нижняя Сена (Руан) сообщал 25 марта 1815 г. министру внутренних дел Л. Карно: «Однако я бы вас ввел в заблуждение, если бы сказал, что все общественное мнение здесь на стороне Наполеона. Народ за него, привилегированные классы против, а крупные торговцы блокируются с дворянством. Эти опасения торговых кругов связаны с угрозой новой войны с Англией и, как следствие этого — потери плодов недавних усилий, сделанных за последнее время. Работа на фабриках резко сократилась, хотя фабриканты по-прежнему преданы императору так же, как и рабочие, но они изменят эти свои чувства, если промышленность не возобновит в ближайшее время свою прежнюю деятельность. Необходимо успокоить общественное мнение путем статей в газетах относительно внутреннего спокойствия и намерений иностранных держав»³⁶.

Карно, в компетенцию которого входило поддержание порядка прежде всего в провинции (Фуше, как министр полиции, плел интриги в Париже), был весьма озабочен подобными настроениями. По его совету Наполеон декретами 20 и 27 марта упразднил должности супрефектов и мэров городов (нотаблей), ибо занимавшие их лица на 90% были настроены роялистски. Вместо них были назначены люди, «известные преданностью делу народа» (из декрета Наполеона), «патриоты 1789 г.», новые собственники и опальные при Бурбонах чиновники времен Революции, включая и «цареубийц». К 6 апреля из 87 назначенных Людовиком XVIII префектов 61 был смещен. Неуверенность в завтрашнем дне вела к тому, что не все из вновь назначенных 170 префектов спешили занять свои места. В итоге самый мощный рычаг внутренней политики Наполеона в 1804—1814 гг. — корпус префектов — в период «Ста дней» оказался парализованным.

Наполеон пытался компенсировать это возрождением института чрезвычайных комиссаров (декрет 4 апреля), с помощью которого надеялся сформировать новые полки Национальной гвардии и отряды федератов. В числе комиссаров было немало видных деятелей революции: Родеро — в Лионе, Тибодо — в Дижоне, Мулен — в Гренобле. И хотя они были наделены еще большими полномочиями, чем 27 декабря 1813 г. (право чистки в армии и Национальной гвардии, смещение нотаблей и т. п.), на практике их деятельность была дезорганизована новым декретом Наполеона 30 апреля о досрочных перевыборах мэров в коммунах с населением менее 50 тыс. человек. В итоге началась неразбериха. Стремление Карно сохранить институт нотаблей как основу стабильности режима «Ста дней» пришло в противоречие с действиями и полномочиями комиссаров: те мэры, которых они уже признали лояльными, теперь должны были переизбираться. Наиболее революционно настроенные комиссары вынуждены были саботировать декрет 30 апреля, боясь избрания роялистских кандидатов на посты мэров.

³⁴ Сб. РИО, т. 112, стр. 180—181.

³⁵ Там же, стр. 215. Нессельроде — Поццо ди Борго 21.IV.(3.V).1815.

³⁶ Цит. по: В. А. Б у т е н к о. Указ. соч., стр. 212 (французский текст без перевода).

Карно пытался привлечь на сторону режима широкие народные массы, прежде всего крестьянство и горожан провинции. По его инициативе 30 апреля Наполеон подписал декрет о создании ополчения федератов. Специально для крестьян Карно задумал выпускать газету «Feuille villageoise» с целью «применять простой стиль и перемешивать политическую пропаганду с советами по сельскому хозяйству». В какой-то мере это было возрождением якобинской тактики в крестьянском вопросе. Но Карно не успел осуществить замысел с «крестьянской газетой». 1 июня 1815 г. вышел первый и последний ее номер.

Исследователь политики Карно в период «Ста дней» М. Рейнар полагает, что в 1815 г. «организатор побед» во многом повторял уже устаревшую стратегию 1793 г. — делал ставку на крестьян при недооценке интересов торгово-промышленной буржуазии, хотя и в этом направлении кое-что было сделано (создание Национального совета промышленности, учреждение ежегодных премий по 50 тыс. фр. «за лучшее применение машин», реформа избирательной системы — создание курий избирателей: земельные собственники, торговцы и фабриканты, ученые, военные, крестьяне ³⁷).

В целом политические акции Наполеона, несмотря на значительную либерализацию режима «Ста дней» по сравнению с 1814 г., не принесли ему успеха. И хотя в 1815 г. армия и народ, пройдя через Первую реставрацию Бурбонов, обрели как бы «второе дыхание» перед угрозой новой интервенции союзных войск, все же у Наполеона, как отмечал Ф. Энгельс, было слишком мало шансов выиграть кампанию 1815 г. «по причинам как политического, так и стратегического характера, главной из которых было огромное превосходство всех средств союзников» ³⁸.

Ватерлоо наглядно подтвердило, что, потерпев поражение на дипломатическом фронте (не удалось расколоть союзников), Наполеон неизбежно должен был проиграть и в военном отношении ³⁹. И тем не менее Наполеон пытался и после окончательного поражения и ссылки на Святую Елену продолжать (вплоть до Аахенского конгресса осенью 1818 г.) политическую борьбу.

Этот аспект последней борьбы Наполеона долго не изучался. И на нем следует остановиться несколько подробнее, тем более что в секретной дипломатической переписке союзников, впервые используемой нами (Архив внешней политики России, «Прописки французских эмигрантов, 1815—1818 гг.»), проблема связи Наполеона с новым, доселе неизвестным эмигрантским политическим течением — бонапартизмом — занимала очень важное место.

Эмиграция сторонников «Ста дней» началась сразу же после Ватерлоо, но особенно усилилась после возвращения Бурбонов, с началом «белого террора» (ордонанс Людовика XVIII от 24 июля 1815 г.). Ордонанс копировал декрет Наполеона от 25 марта 1815 г. Но Наполеон не удосужился снабдить свой декрет поименным списком и не лишил ярых роялистов их титулов. В ордонансе же 24 июля давался длинный список лиц, которые лишались «за предательство» пожизненного титула пэра, данного как Бурбонами, так и Наполеоном в период «Ста дней». Сюда попали маршалы Суше, Ней, Мортье, Лефевр, герцоги Кадорский и Плезанский, графы империи Монтеску, Понтекулан и Сегюр, новоиспеченный граф Карно и др. Кроме того, к ордонансу было приложено два зловещих списка: № 1—19 маршалов, генералов и офицеров (Ней, Бертье, Лабедойер, Груши, Клозель, Бертран, Камбон, Савари и др.), подлежащих немедленному аресту и суду палаты пэров или военно-полевого суду за измену присяге королю; № 2—38 человек (Карно, Султ, Эксельман, герцог Бассано, Феликс Лепелье, Тибодо и др.), которым в трехдневный срок предписывалось покинуть Париж, отбыть в указанное место под надзор королевской полиции и ожидать решения своей судьбы — высылки из Франции или суд ⁴⁰. Ордонанс 24 июля был в принципе заранее согласован Бурбонами с союзниками, хотя и без уточнения списков имен, в которые

³⁷ M. Reinhard. Le Grand Carnot, vol. 2. Paris, 1950, p. 313—318; Le Gall. Les Cent Jours. Paris, 1924, p. 216.

³⁸ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М., 1958, стр. 301.

³⁹ О военном аспекте Ватерлоо подробнее см.: А. Г. Кавтрадзе. Ватерлоо. — «Новая и новейшая история», 1972, № 1, стр. 158—164.

⁴⁰ J.-A. Dulaure. Histoire des Cent Jours, de la restauration et de la révolution de 1830, t. III. Paris, 1845, p. 41—42; В. А. Бутенко. Указ. соч., стр. 270—274; Е. В. Тарле. Талейран, стр. 208—209; «История Франции», т. 2, стр. 178—179.

первоначально Фуше внес до 300 фамилий (!) ⁴¹. С июля союзные министры в Париже в ожесточенных спорах решали вопрос, от которого, как полагали победители, зависело «спокойствие» Франции: куда выслать Наполеона, что делать с его многочисленной титулованной родней, а также с сотнями маршалов, генералов, офицеров и политических деятелей, поддержавших режим «Ста дней»? Было ясно, что выслать всех не удастся: тогда у Бурбонов не осталось бы почти ни одного офицера. Но и вернуться к «статус кво» Первой реставрации дипломатам Священного союза было страшно: где гарантия, что «Сто дней» не повторятся вновь? Лишь позднее французские историки (Тьерри, Гизо и др.) станут различать во Французской революции классы и связанные с ними политические интересы, а для Меттерниха, Нессельроде, Веллингтона союз Наполеона с республиканцем — «царевубийцей» Карно был совершенно новым явлением. Они видели результаты: менее чем через год Франция вновь пала к ногам вчерашнего «тирана», а Бурбонов как бы и не существовало. Страх перед новыми «Ста днями» надолго остался в сердцах легитимистов, во многом определяя политику дипломатии Священного союза не только в отношении Франции, но и всей посленаполеоновской Европы. Меттерних и два года спустя после Ватерлоо писал послу в Париже: необходимы единые меры всех держав-победительниц, «чтобы задушить повсюду этот революционный дух, который три последних месяца правления Наполеона во Франции развили с неизмерной силой и опасностью, чего даже не было в первые годы Французской революции» ⁴².

Борьбу с этим «духом» Меттерних начал сразу после Ватерлоо. Кто его носитель? Кого выслать? И, главное, куда? В Америку? Но в Северной Америке — республика, которую творцы Священного союза считали родной сестрой французской. В Латинскую Америку? Но там с 1810 г. бушевала война за независимость испанских колоний, и туда уже бежали некоторые участники «Ста дней» ⁴³.

Но не только география мешала договориться. С самого начала вопрос о деятелях «Ста дней» стал предметом острой борьбы победителей, ибо он самым тесным образом был связан с проблемой: кто будет хозяином Бурбонов, а значит, в кильватере чьей политики пойдет Франция? И в этой скрытой дипломатической борьбе, которая никогда не утихала за весь период реставрации 1815—1830 гг., «карта» «Ста дней» не раз использовалась то одним, то другим победителем. Протоколы заседаний конференции министров иностранных дел и послов за июль — август 1815 г. наглядно отражают эту борьбу ⁴⁴. Только 14 августа Меттерниху, наконец, удалось предложить компромиссное решение по «географии эмиграции»: позволить выезд из Франции лишь в три страны — Австрию, Россию и Пруссию, и ни в коем случае в германские государства, Голландию (Бельгию), Швейцарию или Италию; Англия и Америка упомянуты не были. Следует, впрочем, отметить, что в значительной мере как ордонанс 24 июля, так и протоколы союзных министров остались на бумаге. Из 57 деятелей, внесенных в списки № 1 и № 2 ордонанса Бурбонов, некоторые не были во Франции. Меттерних, торопя своих партнеров с принятием окончательного решения, с тревогой указывал, что, пока победители дебатировали вопрос, «многие из списка № 2 укрылись в Швейцарии, а другие срочно просят паспорта на выезд» ⁴⁵. Все большее число политических и военных деятелей «Ста дней» покидали пределы страны.

Известно, что даже Наполеон вскоре после Ватерлоо пытался бежать в Америку. Об этой попытке тогда много писала европейская пресса. «Сказывают, — сообщал русский «Исторический журнал», — что в ночь с 25 на 26 июня Наполеон вместе с Савари, Бертрамом и Лабедойером (?) на фрегате отплыл из Рошфорта в США, но выход

⁴¹ L. M a d e l i n. Fouché, t. 2. Paris, 1955, p. 453—455.

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, д. 12904, л. 75 об, 76. Меттерних — австрийскому послу в Париже Винсенту, 22.VI.1817.

⁴³ W. S. R o b e r t s o n. France and Latin-American Independence. Baltimore, 1939.

⁴⁴ Не было больших разногласий лишь относительно судьбы Наполеона: приняли предложение Веллингтона о ссылке бывшего императора на Святую Елену как «пленника Европы» под охраной Англии и наблюдением трех комиссаров — Австрии, Пруссии и России (ВПР, т. VIII, стр. 444. Протокол № 2 от 2.VIII.1815). Но по вопросу о местопребывании его братьев развернулась целая баталия. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12881, л. 10—11. Протокол № 42 от 27.VIII.1815.

⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12881, л. 10—11.

в океан был заблокирован английской эскадрой, и капитан фрегата укрылся в бухте о. Ре; остров блокирован английскими судами»⁴⁶. Именно у о-ва Ре Наполеон в конце концов 15 июля 1815 г. и сдался англичанам. Явно не вырисовывалось «единство мер» и среди победителей⁴⁷. Судя по протоколам министерских конференций июля — августа 1815 г., странную позицию умолчания занимали также представители Англии герцог Веллингтон и лорд Каслри. Между тем из 19 лиц, включенных в список № 1 и подлежащих немедленному суду Бурбонов, 12 находились в руках англичан. И хотя Меттерних предложил 22 августа Англии или судить этих лиц самим, или выдать Бурбонам⁴⁸, — ни того, ни другого сделано не было. Бертран, например, предпочел отправиться с Наполеоном на Святую Елену и вернулся во Францию лишь после смерти императора в 1821 г. А Груши, Клозель и другим англичане позднее дали возможность уехать в США.

История политической эмиграции «Ста дней» в США мало изучена в советской историографии. Между тем европейская пресса уделяла в 1815—1818 гг. этой эмиграции очень большое внимание, не без основания называя ее вторым (после эмигрантов в Бельгии) источником постоянной угрозы для Бурбонов. Так, в «Историческом журнале» сообщалось, что бонапартисты создали в США материальную базу для политических действий пресловутого тайного «Парижского революционного комитета»⁴⁹. В том же номере журнала была опубликована статья «Французская колония Проскриполис в Северной Америке», в которой содержались любопытные данные: правительство США уступило по 3 долл. за десятину 200 десятин на юге страны, в бывшей французской Луизиане, для организации образцовой сельскохозяйственной колонии эмигрантов «Ста дней». Деньги дали Жозеф Бонапарт и Люсьен Бонапарт, причем Жозеф стал главой этой колонии. Там же обосновались Груши, Клозель, Друэ и другие. Лефевр-Денует искал место для основания в центре колонии города Проскриполис. По мнению журнала, руководители колонии вынашивали грандиозный план организации массовой эмиграции не только преследуемых, но и всех недовольных политикой Священного союза во Франции, Испании, Португалии, Ирландии, Шотландии, Южной Германии и т. д., и уже они якобы договорились с правительством США о предоставлении для реализации этого плана столько земли на юге, сколько потребуется.

Достоверность таких сообщений еще нуждается в проверке — ведь пугало «Парижского революционного комитета» было в большом ходу у идеологов Священного союза, особенно при организации военных интервенций 1820—1823 гг. в Неаполь, Пьемонт, Испанию. Но сам факт наличия в США значительного числа сторонников «Ста дней» не подлежит сомнению. Оторванность этих эмигрантов от Европы (при тогдашних средствах сообщения) постепенно привела к ее политической деградации, ускоренной мелкими личными распрями. Характерную картину этого политического разложения дал фигурировавший в ордонансе 24 июля Дира. В 1819 г. он побывал в США. Груши и Лаллеман, сообщил Дира, живут в Филадельфии, причем последний женился на американке и целиком ушел в научные труды, только что опубликовав очередной трактат по артиллерии. Генерал Бернар принят в армию США и назначен командующим всеми саперными войсками страны. В деревне остались лишь инициатор неудавшегося плана с Проскриполисом генерал Лефевр-Денует (которого правительство США назначило даже судьей округа Маренго) да генерал Клозель, ведущий затворнический образ жизни на своей ферме. Даже Жозеф Бонапарт купил дом в двух милях от Филадельфии и получил разрешение на принятие американского гражданства⁵⁰.

⁴⁶ «Исторический журнал», М., 1815, июль, стр. 80—81; ср. Е. В. Т а р л е. Наполеон, стр. 430—432.

⁴⁷ Так, несмотря на согласованную позицию не защищать проскриотов списка № 2, И. Каподистрия убедил царя спасти Л. Карно. Втайне от Бурбонов Поццо ди Борго выдал ему русский паспорт, и «организатор побед», инкогнито покинув Францию в сентябре, отправился искать политического убежища в России. Подробнее см. В. Г. С и р о т к и н. Л. Карно на пути в Россию. — «Французский ежегодник 1972».

⁴⁸ G. de B e r t i e r d e S a u v i g n y. Metternich et la France après le congrès de Vienne, t. I. Paris, 1968, p. 45.

⁴⁹ «Исторический журнал», 1818, январь, стр. 30.

⁵⁰ «Conservateur Impartial» 3(15).II.1820, p. 48 (в перепечатке из французской прессы).

Однако основная масса эмигрантов «Ста дней» укрылась в Нидерландах (Бельгии) — новом государстве, только что созданном творцами «венской системы». Бельгийская эмиграция также возникла сразу после Ватерлоо, но приняла характер поистине массового исхода из Франции после принятия 12—16 января 1816 г. «бесподобной палатой» так называемых законов об «амнистии». Они действительно давали амнистию рядовым участникам «Ста дней», но вместе с тем усиливали репрессии против «царевубийц» — участников голосования 1792 г. в Конвенте о смертной казни Людовика XVI. Уцелевшие за бурные годы революции и империи «царевубийцы» (Фуше, Карно, Давид и др.), а также другие деятели революции либо навсегда выслались из Франции, либо (если они уже успели бежать) навсегда лишились французского подданства. Аналогичной каре подверглись и все члены семьи Бонапартов⁵¹.

Бельгийские эмигранты «Ста дней» делились на две основные группы — «старую» и «молодую». Вот как описывал анонимный «друг из Льежа» в письме к Карно от 24 июля 1816 г. «старую гвардию»: «Баррас обосновался в Брюсселе, откуда он разослал шпионов всех мастей в Льеж, Спа, Аахен и Антверпен... Комбасерес ведет себя как скупердяй в отношении собратьев по несчастью. Недавно отказался одолжить 300 франков одному и навестить другого в тюрьме». Сийес стар и мало выходит. Феликс Лепельтье, Румрой и художник Давид «обросли жирком», не двигаются с места, «несмотря на наши неоднократные призывы»⁵². «Молодые», менее «именитые» эмигранты начинали свои политические биографии по существу лишь при «Ста днях». Они не имели такого длинного послужного списка, как «старик», но и не тащили за собой хвост старых счетов, интриг, несбывшихся планов, которые поглощали большую часть времени «житов революции» в Брюсселе.

Лидером «молодой» эмиграции в Бельгии был друг и соратник Ф. Буанаротти, адвокат и журналист, бабувист Шарль Тест, назначенный Карно чрезвычайным комиссаром Лиона в период «Ста дней» и эмигрировавший в Льеж еще до ордонанса 24 июля. Вокруг энергичного Теста группировались адвокаты, журналисты, военные⁵³. Основным печатным органом «молодой» эмиграции стала издававшаяся в Брюсселе газета «Nain Jaune Refugié» («Желтый карлик в изгнании»). Из-за цензурных гонений голландских властей она стала называться в январе 1817 г. «Le Libéral», с марта 1817 г. — «Le Vrai Libéral».

«Nain Jaune» возник в Париже 15 декабря 1814 г. как сатирический орган «левых» бонапартистов. В период «Ста дней» газета целиком поддерживала политику Бонапарта, что и привело при Второй реставрации к ее закрытию и репрессиям против издателей. Тест сплотил вокруг «Nain Jaune Refugié» — «Le Vrai Libéral» группу талантливых журналистов, организовал сеть тайных корреспондентов во Франции и Германии, преимущественно из числа эмигрантов «Ста дней». Бельгийско-голландской «молодой» эмиграции удалось установить связи с политическими группами эмиграции «Ста дней» в Италии, с немецкими либеральными газетами (для чего Тест совершил вояж в 1816 г. по германским государствам и в Пруссию), а также с английской либеральной газетой «Morning Chronicle»⁵⁴.

Главной слабостью эмиграции «Ста дней» и в Европе, и в Америке являлось отсутствие четкой политической программы. Все течения сходились на том, что Бурбонов надо снова выгнать, но как это сделать, какой режим (республику или монархию) установить после их изгнания, на какую страну (Англию, Австрию, Россию, Пруссию) сделать ставку, кого посадить затем на французский престол — по этим вопросам внутри эмиграции шла самая острая борьба.

До Аахенского конгресса 1818 г., когда союзники молчаливо подтвердили, что вопрос о ссылке Наполеона на Святую Елену не подлежит пересмотру, в эмиграции (как

⁵¹ A. Vaublanc. Histoire des deux Restaurations, IV. Paris, 1860, p. 151—169. Общую характеристику эмиграции «Ста дней» в Бельгии см. A. Saint-Ferréol. Les proscrits français en Belgique, vol. I. Bruxelles, 1870; M. Dohér. Proscrits et exilés après Waterloo. Paris, 1965; V. Sirotkin. L. Carnot en route pour la Russie. — «Les Etudes soviétiques». Paris, 1972, septembre, p. 71—75.

⁵² АВПР, ф. Канцелярия, д. 12890, л. 103 об. В Нидерландском королевстве (Бельгии) укрылось 62 «царевубийца». — Там же, д. 128888, л. 28—34.

⁵³ Об эволюции политических взглядов Ш. Теста подробней см. В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1960, стр. 123.

⁵⁴ «Французский ежегодник 1972», стр. 199—200.

в Америке, так и в Европе) довольно сильным было бонапартистское течение, ратовавшее за возвращение императора «Ста дней» в Европу в качестве «частного» лица. Судя по материалам АВПР и донесениям русского комиссара на Святой Елене графа де Бальмена, между действиями эмиграции «Ста дней» и поведением Наполеона на острове до 1818 г. существовала прямая взаимосвязь. Так, Наполеон до Аахенского конгресса демонстративно не принимал английского генерал-губернатора Сиднея Гудсона Лоу, не допускал к себе его агентов, нарочито муссировал слухи о возможном побеге, одновременно усиленно жалуясь на здоровье. В это же время его сторонники в Европе и Америке вели шумную кампанию за возвращение императора.

Недалекий и исполнительный Лоу невольно поддался этой пропагандистской кампании Наполеона. Де Бальмен не мог сдерживать насмешки над генерал-губернатором: «Происки бонапартистов вызывают сильное беспокойство сэра Лоу. Он без устали трудится над укреплением Св. Елены, ставит новые телеграфы и батареи в разные места, удвоил посты вокруг Лонгвуда... Нельзя порицать его чрезвычайной бдительности, но он переходит все границы и попадает в смешное положение, ибо никакой реальной угрозы нет»⁵⁵. Лоу в своих опасениях зашел так далеко, что в апреле 1818 г. не дал сойти на берег команде корвета «Рюрик» под началом лейтенанта Коцебу (корабль был снаряжен Н. П. Румянцевым для кругосветного путешествия в научно-географических целях) и даже не допустил де Бальмена к российским подданным⁵⁶.

Судя по донесениям де Бальмена, Наполеон не только не хотел бежать, но фактически отклонял всевозможные проекты такого рода со стороны своих сторонников. Опыт побега с Эльбы показал, что этот способ не даст ему шансов утвердиться в клане «помазанников божьих» — они опять станут третировать его как «узурпатора». Поэтому, будучи на Святой Елене, Наполеон с упорством одержимого пытался осуществить прежнюю тактику — расколоть фронт своих союзников, найти прежде всего трещину в англо-русском компромиссе, тем более, что он знал о все растущих противоречиях между этими двумя странами в послевоенной Европе.

Бывший император пытался, как и ранее, сделать ставку на Александра I — ведь последний еще в 1814 г. через Шувалова предлагал Наполеону убежище в России⁵⁷. Де Бальмен со слов жены генерала Бертрана, первого начальника «двора» Наполеона на Святой Елене, утверждает, что император якобы сказал в декабре 1817 г.: «Я сделал глупость, не поехав в Россию. Я буду вечно в этом раскаиваться»⁵⁸. Надо полагать, что это «раскаивание» имело вполне определенный подтекст — напомнить царю о его «гуманном отношении» к Наполеону в 1814 г. Более того, Наполеон пытался через Бертрана вручить де Бальмену письмо к Александру I, в котором Наполеон будто бы намеревался сделать «важные разоблачения», ибо «речь идет не только о защите угнетенного великого человека, но и о том, чтобы оказать услугу России». Де Бальмен отказался принять письмо (его содержание так и осталось неизвестным) и был обвинен Наполеоном в том, что он «играет на руку Англии». Видимо, этот упрек не был безосновательным: де Бальмен позднее женился на падчерице Лоу, которого так ненавидел Наполеон. Очевидно, по тем же соображениям де Бальмен отклонил и взятку министра «двора» Наполеона в Лонгвуде Монтолона в 1 млн. фр. за передачу этих «разоблачений» царю, о которой в 1820 г. он сам поведал Александру I в личной беседе⁵⁹.

Той же цели легального освобождения Наполеона служила нарочито поднятая и его ближайшим окружением на острове, и бонапартистами в Европе кампания вокруг «ухудшавшегося здоровья» бывшего императора.

Наполеон действительно был болен. Он еще с 1812 г. жаловался на недомогание, что отмечали многие современники. Для определения состояния здоровья Наполеона на Святой Елене значительный интерес представляют медицинские бюллетени — отчет-

⁵⁵ «Русский архив», 1869, стб. 566. Донесение от 18.II.1818.

⁵⁶ Там же, стб. 681, 683. Донесение от 26.IV.1818.

⁵⁷ Н. К. Шильдер. Граф П. А. Шувалов и Наполеон в 1814 г. — «Русская Старина», 1897, № 5, стр. 228. Шувалов был одним из союзных комиссаров, сопровождавшим Наполеона после первого отречения от Парижа до Средиземноморского побережья Франции.

⁵⁸ «Русский архив», 1868, стб. 1979. Донесение от 17.XII.1817.

⁵⁹ «Русский архив», 1869, стб. 675—676.

Наполеон на Святой Елене. Со старинной бонапартистской гравюры
(Из собрания А. Г. Кавтарадзе)

ты приставленных к императору лечащих врачей О'Меара и Бакстера, впервые обнаруженные нами в приложениях к подлинным донесениям де Бальмена⁶⁰. Судя по этим бюллетеням, у Наполеона было серьезное заболевание печени, возможно даже раковая опухоль⁶¹. О'Меара и Бакстер постоянно констатировали ухудшение состояния здоровья Наполеона, но ничего сделать не могли. 2 ноября 1817 г. генерал Гурго в беседе с де Бальменом сообщил: «Бонапарт становится уныл и предается иногда совершенной апатии. Он не занимается более своей историей [известный «Мемориал на Святой Елене», продиктованный Лас Казасу] и проводит время в совершенной праздности. Ему трудно даже бриться. Вот уже пять недель, как он обедает в одиночестве и говорит только о своей смерти». 13 декабря 1817 г. де Бальмен, посылая в Петербург очередной медицинский бюллетень (с июля 1817 г. Лоу по приказу из Лондона регулярно стал направлять всем союзным комиссарам копии бюллетеней О'Меара), писал Нессельроде: «Бонапарт действительно страдает от боли в печени, и его здоровье разрушается с каждым днем. Ночи он проводит без сна, день — в сонливом забытьи. Лицо синеватое, глаза тусклые, впалые... Доктор О'Меара сказал мне за тайну, что Бонапарт не проживет более двух лет. Его спасает только движение, но он не движется [с острова], ручаюсь головой, пока сэр Гудсон Лоу будет губернатором на о. Святой Елены»⁶². 15 января 1818 г. де Бальмен доносил: в октябре — ноябре 1817 г. Наполеон обедал в 21 час. 30 мин. и в 22 час. уходил ко сну. В январе 1818 г. стал есть лишь один раз в день, в 15 час., а «вечью Маршан, его камердинер, читает ему вслух, и он проводит ночь наполовину в постели, наполовину в теплой ванне»⁶³.

Но Наполеон прежде всего был политиком. Поэтому из своей болезни он сделал политическую карту, которую стремился разыграть. Видимо, по его заданию Гурго, Бертран, ближайшее окружение на острове весь 1817 и первую половину 1818 г. (до Аахенского конгресса, открывшегося в конце осени 1818 г.) намеренно муссировали слухи о тяжелой болезни Наполеона и срочной необходимости «сменить климат». В ноябре 1818 г. «*Conservateur Impartial*», например, поместил сообщение, взятое из голландской газеты, что герцогиня Пармская (Мария-Луиза, австрийская принцесса, вторая жена Наполеона) якобы просила своего отца о «переводе Наполеона в более подходящий климат для его здоровья»⁶⁴.

Наполеон использовал свою болезнь для распространения версии о том, что Лоу хочет его отравить. Де Бальмен со слов Монтолона сообщил 22 апреля 1818 г., что Наполеон заявил: «Моих друзей, тех, которым я доверяю, гонят, преследуют. Меня полностью изолируют. За всем этим — коварный план: меня хотят отравить»⁶⁵.

Бонапартистские публицисты активно развивали версию Наполеона об отравлении и слухи о реальности побега императора со Святой Елены. Типичным примером такой бонапартистской публицистики стала «Рукопись со Святой Елены, прибывшая неизвестным путем»⁶⁶. Де Бальмен так описывал реакцию Наполеона на эту книгу: она «наделала много шума в Европе, но выясняет минувшие события, и потому я стараюсь развеять, кто ее сочинил... Бонапарт, прочитав ее, сказал: «Книга написана не мной

⁶⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 10605, л. 55—56. Медицинский бюллетень О'Меара от 26.VI.1817; л. 263—274. Бюллетень Бакстера от 14.XI.1817.

⁶¹ «Император, — писал Е. В. Тарле, — по-видимому, уже давно догадался, что это рак, болезнь наследственная в их роду, от которой в возрасте всего лишь 40 лет умер его отец Карло Бонапарте». — Е. В. Т а р л е. Наполеон, стр. 441.

⁶² «Русский архив», 1868, стб. 1976, стб. 1980; ср. Е. В. Т а р л е. Наполеон, стр. 435.

⁶³ «Русский архив», 1869, стб. 654.

⁶⁴ «*Conservateur Impartial*», 22.X(3.XI).1818, р. 375—376.

⁶⁵ «Русский архив», 1869, стб. 680. Много лет спустя эта версия Наполеона вновь была повторена, на сей раз в виде сенсационного открытия. Утверждалось, что Наполеон якобы был отравлен англичанами на Святой Елене, поскольку спустя несколько десятков лет в его волосах была обнаружена сильная доза мышьяка. Позднее, правда, было установлено, что питьевая вода Святой Елены содержит более высокий процент мышьячных солей, имеющих в любой пресной воде. Поэтому за 150 лет эти соли, отлагавшиеся в волосах Наполеона, могли кристаллизоваться.

⁶⁶ «*Le Manuscrit venu de Saint-Hélène d'une manière inconnue*», 2 éd. London, 1817, р. 151. В 1817 г. «*Conservateur Impartial*» дал из нее обширные выдержки, хотя сама книга была запрещена цензурой царя «для публики». — «Алфавитный каталог книг на французском языке, запрещенных с 1815 по 1853 г. безусловно и для публики». СПб., 1855, № 1733.

но кем-то, кто меня хорошо знает»⁶⁷. Ее автором оказался бывший начальник кабинета Наполеона барон Флери, раскрывший и свое авторство, и истинную цель написания этой, приписывавшейся тогда Наполеону, «Рукописи» в сопроводительном письме к Александру I: «Государь! В. в.-во как суверен, как человек осудил революцию 20 марта [«Сто дней»], но Ваше уважение дорого Франции. И я осмеливаюсь думать, что в. в.-во, как только оно узнает факты во всей их истинности, расценит, может быть, в менее суровом аспекте эту великую и знаменательную эпоху»⁶⁸.

Акция Флери была не единственной. В сентябре 1817 г. «Le Vrai Libéral» писал, что в Париже ходит по рукам «письмо» папы Пия VII (того самого, которого Наполеон столько лет унижал!) к Александру I, в котором якобы содержится требование немедленно освободить Наполеона и «устроить его в Европе как экс-императора». Иначе папа разорвет (!?) дипломатические отношения с Россией⁶⁹. Что касается «бегства», то «пик» распространения слухов о конкретных планах похищения бонапартистами или корсарами Наполеона наступил в 1818 г., в преддверии Аахенского конгресса и во время него. Де Бальмен, отправившийся в отпуск в августе 1818 г. в Бразилию, по возвращению на Святую Елену доносил: во время беседы с португальским монархом последний признался, что «император слишком близок к Бразилии, и это очень тревожно». Опасения короля не рассеяли и уверения де Бальмена, что англичане хорошо стерегут Наполеона⁷⁰. Даже печатный официоз министерства иностранных дел России, чиновники которого хорошо знали, сколь надежно охраняется Наполеон, и тот не удержался, чтобы не отдать дань интересу читающей публики к Наполеону и планам его «похищения». 11 декабря 1818 г. там можно было прочесть: «Один корсар из Южной Америки несколько недель (!) ходил на своем корабле в территориальных водах Св. Елены, а на сам остров многие плют деньги, тысячи писем и даже пытаются высадиться, но губернатор всех арестовывает»⁷¹.

Однако для творцов Священного союза самым тревожным стал тот факт, что бонапартистская версия об «отравлении» и неизбежности «бегства» Наполеона стала находить сочувственные отклики в частных газетах России, Австрии, Пруссии⁷².

При всей фантастичности такого рода сообщений, которые современные журналисты назвали бы «газетными утками», побег Наполеона с Эльбы, «Сто дней» и активность его сторонников в эмиграции держали дипломатов Священного союза в постоянном напряжении.

В сентябре 1816 г. посланный в Вену генерал-адъютант царя А. И. Чернышев сообщал статс-секретарю И. Каподистрии: в Австрии усиленно циркулирует слух, что маршал Груши и генерал Лефевр-Денует купили в США корабли и хотят атаковать британскую сторожевую эскадру у Святой Елены. На этот случай, поведал Чернышеву английский посол в Вене Осмонд, у Гудсона Лоу есть тайный приказ: убить Наполеона «при попытке к бегству»⁷³.

Сторонники Наполеона не только распускали слухи о скором освобождении ссыльного императора. Наиболее радикальная часть «молодой» эмиграции готовилась с оружием в руках свергнуть ненавистных Бурбонов. Один из видных деятелей «молодой» эмиграции в Европе генерал Фрессине сообщал 6 июля 1816 г. из Брюсселя жене: «У нас полным ходом идет подготовка к свержению Бурбонов», закушается оружие, создаются ударные отряды, во Франции установлена связь с недовольными элементами, и, самое главное, «мы имеем тесный контакт с очень влиятельными лицами Голландии»⁷⁴.

⁶⁷ «Русский архив», 1868, стб. 1975.

⁶⁸ РГБ, рук. отдел, ф. 849 (А. Н. Шебуниным), д. 157, л. 27. Письмо Флери царю цитируется по аннотированной описи личной библиотеки Александра I в Царском Селе, составленной Шебуниным в 1921—1922 гг.

⁶⁹ «Le Vrai Libéral», 15.IX.1817. Напомним, что папа Пий VII отказался признать к Священному Союзу.

⁷⁰ «Русский архив», 1869, стб. 566.

⁷¹ «Conservateur Impartial», 11(23).XII.1818.

⁷² См., например, московскую политическую газету П. Зубова «Утренняя почта Европы», за 5—8 ноября 1817 г. с обширным отчетом о жизни и охране Наполеона на Святой Елене. Любопытно при этом, что оценка комиссара Бурбонов на острове давалась словами самого Наполеона: «Неужели... не нашли глупее во всей Франции».

⁷³ Сб. РИО, т. 121, стр. 317—320.

⁷⁴ АВПр, ф. Канцелярия, д. 9063, л. 450—453.

Насколько серьезны были намерения сторонников режима «Ста дней» в отношении нового свержения Бурбонов, свидетельствует записка Карно брату царя Константину в Варшаве (в августе 1816 г.): Франция — «вакануне нового потрясения», которое может вызвать «расчленение страны»; «плод еще не созрел, но, похоже, мои друзья станут действовать более решительно, если будут знать позицию России: поддержат ли она их или останется нейтральной и не парализует их планов, что уже и так для них много»⁷⁵.

Вообще и Наполеон, и значительная часть эмиграции «Ста дней» делали в 1816—1818 гг. большую ставку на Россию, и, особенно, на личное вмешательство Александра I. Все эти расчеты строились на пустившей глубокие корни в 1813—1815 гг. убежденности широких европейских политических кругов в «либерализме» Александра I, когда он разыгрывал роль поборника либерализма в Европе⁷⁶. В действительности Александр I и царская дипломатия, а также дипломатия союзников вовсе не помышляли ни об изгнании Бурбонов, ни о возвращении Наполеона в «более подходящий климат».

Вместе с тем творцы венского политического равновесия не могли не считаться с ростом политической активности эмиграции «Ста дней», особенно в Европе. Документы Архива внешней политики России свидетельствуют, что в международных переговорах союзников 1815—1818 гг. борьба с ней занимала одно из ведущих мест. Постоянных конференций союзных послов в Париже и Лондоне оказалось мало. В помощь им в 1817 г. была создана еще и «малая» конференция послов в Гааге, специально занимавшаяся эмиграцией «Ста дней» в Голландии, в частности, ее связями с Наполеоном⁷⁷. Наглядное представление об отношении царской дипломатии к этой проблеме дает циркуляр Каподистрии от 17(29) марта 1817 г., разосланный русским миссиям в Европе и в США: «Мы вовсе не рассматриваем этих лиц как оторванных от их родной земли и еще менее — как лишенных способов влияния в странах, где они живут, или там, куда они могли бы еще направиться. Эти лица принадлежат революции, они — ее жертвы, ибо доктрина революции, несмотря на ее поражение, все еще соблазняет и будет соблазнять неустойчивых... Нечего удивляться после этого, что во Франции, Италии, Бельгии, Германии и повсюду, где они находятся, число их растет»⁷⁸.

Противники Наполеона оказывали через конференции союзных послов в Париже, Лондоне и Гааге сильный нажим на правительства стран, где пребывали эмигранты (особенно на короля Голландии Вильгельма I Оранского), требуя запретить их деятельность, выслать из страны, закрыть эмигрантские газеты⁷⁹. Вместе с тем они хотели выбить из рук эмиграции «Ста дней» и либеральной оппозиции в самой Франции аргумент о неспособности Бурбонов обеспечить стабильность и «спокойствие» во Франции.

С осени 1815 г. и до 5 сентября 1816 г., дня подписи Людовиком XVIII ордонавса о роспуске «бесподобной палаты», союзники через своих послов и путем личных писем неоднократно предлагали Бурбонам «умерить пыл» ультра-роялистов во Франции. Так, 11 мая 1816 г. царь даже послал своему любимому бывшему генерал-губернатору Одессы, а ныне премьеру Франции А. де Ришелье недвусмысленное письмо: ситуация во Франции вновь угрожает «спокойствию Европы»; «бесподобная палата» сама нарушает Хартию 1814 г.; если Ришелье «трудно», то его охотно «снова примут на службу в России»⁸⁰.

⁷⁵ Цит. по: «Французский ежегодник 1972», стр. 207.

⁷⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 24, 34.

⁷⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12894, л. 17—25; A. W. Wellington. Supplementary Dispatches, Correspondence and Memoranda... t. XI. London, 1861, p. 476—478.

⁷⁸ Сб. РИО, т. 119. СПб., 1904, стр. 94—96; «Французский ежегодник 1972», стр. 211. Аналогичные опасения высказывал «газетный агент» Каподистрии, один из редакторов знаменитого акта о Священном союзе—А. Стурдза, посетивший в 1818 г. Голландию.— Архив Института русского языка и литературы (Пушкинский дом), ф. 288, оп. 1, д. 23, л. 8—11. Записка А. С. Стурдзы для вел. кн. Михаила о Голландии, 9.III.1818.

⁷⁹ В апреле 1816 г. Веллингтон выдвигал даже перед Бурбонами план оккупации Голландии союзными войсками, но не был поддержан французским премьер-министром Ришелье и русским послом Поццо ди Борго.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12885, л. 1—2. Ришелье — Александру I от 13.IV.1816.

⁸⁰ Сб. РИО, т. 54, СПб., 1886, стр. 473—475; ср. Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, стр. 187—202.

Усиленный нажим на Людовика XVIII привел, наконец, к желаемому результату. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что союзники связали вопрос о роспуске «бесподобной палаты» с сокращением оккупационного корпуса, чего по финансовым и политическим соображениям так домогался Людовик XVIII. С 1 апреля 1817 г. союзный корпус во Франции был сокращен со 150 до 120 тыс.

Ордонансом 5 сентября Людовик XVIII и союзники сумели расколоть и без того не слишком сплоченную оппозицию Бурбонам как внутри, так и вне Франции. Б. Констан, например, восторженно встретил ордонанс, считая его началом «новой эпохи примирения партий» при режиме Бурбонов⁸¹. Наоборот, орган «молодой» эмиграции в Брюсселе резко выступил против этой примирительной тактики, считая ордонанс «пустой демагогией» Бурбонов⁸².

Вместе с тем этот документ оказал влияние и на планы бонапартистов-эмигрантов. Большинство из них все еще надеялось на легальное возвращение во Францию, делая ставку на династические комбинации. При этом часть сторонников Наполеона, видя ослабление внутривнутриполитической напряженности во Франции после ордонанса 5 сентября, готова была пойти на явную авантюру, лишь бы вызволить своего кумира со Святой Елены. Об этом, в частности, свидетельствует малоизвестная попытка группы офицеров-бонапартистов в Бельгии похитить... Александра I во время Аахенского конгресса с целью заставить царя подписать заранее отпечатанный в десятках экземпляров манифест о возвращении Наполеона со Святой Елены в Европу, изгнании Бурбонов из Франции и провозглашении сына Наполеона и Марии-Луизы императором Франции под именем Наполеона II. Авантюра не удалась: заговор был раскрыт голландской полицией, и его участники арестованы. Но сведения об этом попали в европейские либеральные газеты, и русский официоз вынужден был поместить краткое сообщение, трактовавшее весь заговор как дело нескольких «умалишенных», озлобленных отставкой из армии Бурбонов наполеоновских офицеров⁸³. Год спустя либеральные публицисты в Париже выпустили об этом заговоре брошюру⁸⁴, а придворные историки России много позднее провели специальное расследование, но не опубликовали об этом ни строчки⁸⁵.

Поднятая бонапартистами кампания за возвращение Наполеона со Святой Елены «в более подходящий климат» стала предметом обсуждения на одном из заседаний уполномоченных пяти держав на Аахенском конгрессе. Перед министрами иностранных дел Англии, Франции, Австрии и Пруссии выступил И. Каподистрия, зачитавший обширный «Меморандум русского кабинета»⁸⁶. В нем подробно анализировались усиленно муссировавшиеся бонапартистами слухи об «отравлении» Наполеона, о его «утраченности сэром Гудсоном Сиднеем Лоу» и т. д. Союзным державам предлагалось еще раз подтвердить протокол № 2 от 2 августа 1815 г. о ссылке Наполеона на Святую Елену. подписанный в период подготовки к переговорам о II Парижском мире уполномоченными России, Англии, Австрии и Пруссии, ничего не менять в условиях содержания Наполеона, а Англии усилить военный и политический контроль за «узником Европы», ибо, как стало известно союзным державам из перехваченной секретной переписки Наполеона со своими сторонниками в Европе, перевод экс-императора «в более подходящий климат» должен был по времени совпасть с досрочным выводом союзного оккупационного корпуса из Франции. Меморандум был одобрен союзными министрами, а его постановляющая часть целиком включена в протокол № 42 от 21 ноября 1818 г. заседания министров иностранных дел⁸⁷. Однако этот протокол остался секретным, и никакого официального коммюнике по вопросу о дальнейшей судьбе

⁸¹ B. C o n s t a n t. De la doctrine politique qui peut réunir les partis en France. Paris, decembre 1816.

⁸² «Le Libéral», 14.II.1817.

⁸³ «Conservateur Impartial», 11(23).XII.1818.

⁸⁴ «Notice historique sur le complot, formée contre l'empereur Alexandre. avec les portraits des conspirateurs et des détails sur la procédure». Paris, 1819.

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 549 (личный архив вел. кн. Николая Михайловича), д. 351, л. 123—125; «Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1903 г.» СПб., 1910, стр. 40 (приложение: Опись бумаг архива Н. К. Шильдера, 1818 г.— «Заговор против императора Александра в Голландии»).

⁸⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 131, ч. 1, л. 245—262.

⁸⁷ Там же, ч. 2, л. 152—153.

Наполеона на Святой Елене опубликовано не было. Как справедливо отмечают комментаторы VIII тома «Внешней политики России XIX — начала XX в.», «водворив Наполеона на о. Св. Елены, союзные державы полностью не исключали... возможность государственного переворота в пользу Наполеона»⁸⁸. «Меморандум русского кабинета», а также заключенная в Аахене секретная конвенция 1 ноября 1818 г., вновь подтвердившая принципы Шомонского трактата 1 марта 1814 г. и II Парижского мира 20 ноября 1815 г., были направлены против возвращения Наполеона во Францию. Подчеркивалась также необходимость нового вооруженного вмешательства четырех держав всякий раз, «когда в этой стране произойдет какое-либо волнение, могущее оказаться опасным для спокойствия или безопасности ее соседей». Английские представители на Аахенском конгрессе настояли на включении в протокол обсуждения секретной конвенции 1 ноября 1818 г. особого мнения, что это вооруженное вмешательство произойдет преимущественно в том случае, если на троне Франции вновь появится Наполеон или кто-либо из членов фамилии Бонапартов⁸⁹. Аналогичные соображения накануне конгресса высказывал Каподистрия в своем «Докладе императору о свидании в Аахене» от 6 июля 1818 г.: «Сторонники узника о. Св. Елены, его братьев и сына все еще надеются (а, может быть, им и внушают такую надежду) на перемены. Происки этих неисправимых людей известны. Их сеть имеет весьма многочисленные ответвления и, похоже, центр находится в Брюсселе. Сила этого дезорганизующего начала сама по себе опасна. Ее опасность будет возрастать всякий раз, когда чрезмерный роялизм будет приобретать решающее и антиконституционное влияние на систему управления и законодательства Франции»⁹⁰.

Однако опасения Четверного союза и Бурбонов относительно вторичного побега Наполеона оказались напрасными. Убедившись, что его давние противники и в Аахене отказались от легальной возможности перевода ссыльного экс-императора «в более подходящий климат», Наполеон, по-видимому, примирился с судьбой вечного «пленника Европы».

Это сразу отразилось на его поведении на Святой Елене. Продолжая быть неизлечимо больным, Наполеон заметно изменил свой прежний образ жизни. С 1819 г. он завел сад, огород, стал сажать цветы и предался еще одному, странному для обитателей острова, занятию: «Кровь льется в Лонгвуде. Бонапарт только что купил стадо коз... и забавляется тем, что стреляет их одну за другой. Теперь это его любимое удовольствие»⁹¹. Впрочем, это занятие продолжалось недолго — 5 мая 1821 г. Наполеон умер. Однако в это время внимание Европы уже было приковано к новым крупным событиям — буржуазным революциям 20-х годов в Испании, Португалии и Италии.

⁸⁸ ВПР, т. VIII, прим. 321, стр. 710.

⁸⁹ А. Деbidур. Дипломатическая история Европы, т. I. М., 1947, стр. 149.

⁹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, л. 29—30 (раздел доклада «Внутренние причины революций во Франции»).

⁹¹ «Русский Архив», 1869, стб. 834. Донесение де Бальмена 18.II.1820.